

Глава 2. Встретились

Пушистые маленькие лапки всё-таки не шли ни в какое сравнение с гибкими человеческими пальцами.

За три дня, что он копил силы, Цзян Тан бесчисленное количество раз тренировал лапы и, пользуясь минутами, когда мужчина с косичками бездельничал, снова и снова выводил в воздухе запомненный талисман.

Он ясно помнил все движения, так что повторить их было не слишком трудно. Но он уже не был человеком, а значит, в его теле, скорее всего, не было духовной силы, необходимой для начертания талисмана, и потому всё получалось лишь внешне, без настоящего действия.

Подсказка пришла случайно. Как-то, болтая с муравьём, Цзян Тан между делом спросил, знает ли тот, почему его схватили. Муравей многого не знал, но сообщил полезную вещь: его кровь пахнет очень сладко.

Сам Цзян Тан этого запаха не чувствовал, но раз его держали здесь и брали кровь, значит, в ней точно было что-то ценное. Возможно, она могла ему помочь.

Подумав об этом, он украдкой сунул лапу в рот и слегка её прикусил.

Когда он в следующий раз принялся выводить талисман, лапа, испачканная кровью, внезапно оставила в воздухе золотистый след. У Цзян Тана бешено заколотилось сердце. Он тут же прервал движение, боясь, что сторожа заметят.

Он ждал и ждал. После завтрака и обеда, когда мужчина с косичками в очередной раз ушёл бездельничать, Цзян Тан быстро прокусил себе лапу. За три дня бесконечных повторений движения для талисмана стали у него отточенными, и в одно мгновение в воздухе вспыхнул маленький золотой знак, который затем, словно струйка воды, впитался в грубые чёрные прутья.

Цзян Тан осторожно потянулся вперёд.

Боли, похожей на удар током, не было.

Получилось! Он и правда смог снять духовный талисман собственной кровью!

В порыве ликования и нервного напряжения Цзян Тан толкнул незапертую дверцу, выскочил наружу и мягко спрыгнул на пол.

Муравей, который внизу таскал крошки еды, от неожиданности вздрогнул.

— Ты и правда выбрался!

Последние дни он каждый раз, закончив свои дела, заползал на стол проведать Цзян Тана. Хоть он и прожил всю жизнь на крошечном клочке этого места и не мог сообщить ничего важного, уже то, что рядом был муравей, с которым можно поговорить, было огромной удачей в его заточении. И теперь, уходя, Цзян Тан вдруг почувствовал лёгкую грусть.

Он положил перед муравьём красный плод, который заранее сберёг во рту, и тихо попрощался:

— Спасибо тебе, муравей. Я ухожу.

Сказав это, он, точно порыв ветра, юркнул прочь.

Маленькое тельце позволяло ему прижиматься к стене и двигаться вдоль неё. Почти добравшись до выхода из комнаты, он осторожно высунул половину головы и оглядел двор снаружи.

Лил проливной дождь.

Крупные капли сплетались в плотную водяную завесу. Воздух был пропитан густым земляным запахом сырости. Ветер гнал дождь через галерею и бил ему в мордочку, слегка намочив белый пушок.

Голоса слышались далеко, будто на расстоянии. Он присмотрелся ещё раз. Во дворе не было ни одного стражника.

Сердце Цзян Тана чуть не выпрыгнуло из груди. В голове мгновенно промелькнули тысячи картин: стоит ему сделать шаг, и его тут же схватят и изрубят на куски. Но лапы всё равно двинулись вперёд, осторожно, но решительно.

Гррррром!

Гром прогремел прямо у него над головой. На мрачном небе вспыхнула белая молния, похожая то ли на зверя в клетке, то ли на извивающегося дракона, и вмиг осветила тусклый небосвод.

Пользуясь ливнем как прикрытием, Цзян Тан без колебаний рванул во двор.

Тяжёлые капли болезненно били его по телу, от чего рана на спине снова заныла. Стиснув зубы, он мчался к внешнему миру, дыша всё тяжелее. Он успел отбежать довольно далеко, когда из-за угла донеслись шаги и голоса, и тогда он нырнул в ближайšie цветы.

Шли мужчина и женщина, которых вела служанка в одежде светло-жёлтого цвета.

Преимущество маленького тела в этот миг проявилось сполна. Цзян Тан отчётливо видел, как эти двое проходят совсем рядом, и никто даже не заметил сбежавшего зверька, притаившегося в цветах у их ног.

— Прошу вас, помогите мне в этот раз. Я и правда совсем не знала, что делать, потому и приехала в Тяньвэньхай[1]. Мой сын вот-вот умрёт. Сжальтесь над матерью, умоляю, помогите мне увидеться с вашим хозяином семьи... — измученная женщина в роскошном платье, увешанная шпильками и украшениями, шла за мужчиной в длинном одеянии. Её лицо осунулось, а в глазах стояла отчаянная надежда.

— Госпожа Хэ, дело не в том, что я не хочу вам помочь... — мужчина остановился и вздохнул.
— Даже секта Хуаньюнь не смогла исцелить болезнь вашего сына. Даже если вы пришли сюда, это бесполезно.

Тонкие белые пальцы госпожи Хэ резко вцепились в его рукав, и в её голосе зазвучали слёзы:

— С моим сыном и младшим господином Сун случилось одно и то же. Симптомы у них одинаковые. Но несколько дней назад в области Бафа видели младшего господина, и он, похоже, уже совсем поправился...

— Если у семьи Сун и правда есть тайный способ вылечить младшего господина, значит, они смогут спасти и моего сына!

— Наши семьи обе принадлежат к знатным домам Северного Водного континента. Мы дружим столько лет. Неужели вы и правда собираетесь смотреть, как он умирает? Или у вашего тайного метода есть какой-то постыдный секрет, раз вы не хотите мне о нём рассказать?

Голоса становились всё громче, и Цзян Тан занервничал. Они что, ссорятся? Но почему обязательно нужно было остановиться и ссориться именно здесь? Нельзя было найти какое-нибудь место и поскандалить сидя?

Дождь непрерывно хлестал по зверьку в цветах. Цзян Тана пробирал холод, и он дрожал.

Выслушав госпожу Хэ, мужчина сперва напрягся, потом разозлился и даже повысил голос:

— Что за вздор вы несёте?

А затем, будто поняв, что сорвался, заговорил тише:

— Госпожа Хэ, больше не говорите такого. Просто это лечебное средство — единственное в мире. Даже если я отведу вас к хозяину семьи... Ладно. Я передам вашу просьбу. Идёмте за мной.

Когда эти двое ушли, Цзян Тан не сразу выполз из цветов. Он ещё долго неподвижно лежал на месте и, лишь убедившись, что вокруг тихо, быстро выскочил наружу.

Он не знал, где именно выход. Но раз этих двоих, похоже, привела служанка, то направление, откуда они пришли, с большой вероятностью вело наружу. Белоснежный зверёк размером с ладонь медленно двигался вдоль стены, уклоняясь от встречных людей, и действительно добрался до выхода.

Проблема была только в двух стражниках у ворот. Оба носили облегающие одежды из белой ткани с золотым узором, а на плечах и спинах у них золотой нитью были вышиты фениксы с расправленными крыльями. Выглядели они грозно.

Цзян Тан снова замер.

На этот раз он нашёл место получше. В конце галереи росли два пышных куста пионов, которые хорошо прикрывал карниз. Цзян Тан прятался от ветра, и дождь туда не доставал. Осторожно скрываясь в цветочном аромате и завесе дождя, он наблюдал за проходящими людьми.

Чтобы выбраться, ему нужно было выйти вместе с кем-то наружу. Но человек должен был иметь на себе место, где можно спрятаться, или хотя бы нести какой-нибудь предмет, в который удастся забраться. Надеяться на то, что стражники у ворот вдруг исчезнут, было чистым безумием.

Однако ждать пришлось недолго. С той стороны, откуда он сбежал, поднялся шум, и вскоре снаружи внутрь быстро вошли ещё две группы молодых людей в белом с золотом. В руках у них были мечи, и выглядели они крайне встревоженными.

Обе группы быстро добрались до двора хозяина семьи и тихо встали у входа.

— Никчёмные! Даже одного маленького зверька не смогли удержать. Тяньвэньхай вас что, кормит за безделье?!

Из двора донеслось несколько звонких ударов, и тяжёлые пощёчины обрушились на дрожащих бородача и мужчину с косичками.

Они даже не смели оправдываться, только с силой били лбами в землю и непрерывно просили пощады.

Перед ними стоял мужчина в длинном одеянии тех же бело-золотых цветов. Короткий пучок на голове удерживала золотая шпилька, по обе стороны лба спадали две пряди, а по спине струились чёрные волосы, шевелимые ветром, задувающим во двор.

Он стоял там, как одинокая скала посреди пустынного плато. Во всём его облике чувствовались гордость и печать прожитых лет, хотя лицо оставалось поразительно молодым.

Это был Сун Юнчжэн, глава дома Сун из Цзэяна и хозяин Тяньвэньхая.

— Немедленно ведите людей и найдите этого сбежавшего благого зверя! Не верю, что он мог уйти из Тяньвэньхая. Хоть землю переверните, но верните его!

Отдав приказ двум группам учеников у ворот, Сун Юнчжэн ещё раз зло глянул на двух никчёмных слуг. Взмахом широкого рукава он швырнул скрытой внутренней силой обоих на несколько шагов прочь. Те повалились на землю и закашлялись кровью.

— Никчёмные, никчёмные! Это единственный за десятки тысяч лет благой зверь. Если вы его не вернёте, я брошу вас в долину Тяньбэй[2]!

Бородач и мужчина с косичками задрожали ещё сильнее.

Долина Тяньбэй была именно тем местом, где обитал великий демон Фу Линцзюнь[3]. Там свирепствовали злые духи, и живым было запрещено туда приближаться. Стоило случайно свалиться в долину, и призраки сожрали бы человека по кусочку, не оставив даже души.

— Господин, пощадите, пощадите! Этот слуга и правда запечатал его духовным талисманом. Если зверю удалось сбежать, значит, кто-то наверняка помог ему! — рыдал мужчина с косичками, весь в соплях и слезах, а лоб у него уже был залит кровью от бесконечных поклонов.

Сун Юнчжэн снова пнул его и, заложив руки за спину, вышел со двора.

Цзян Тан прятался в пионовом кусте у галереи. Людей в бело-золотых одеждах становилось всё больше, они расходились во все стороны и обыскивали каждый угол.

Все они искали внизу, в самых низких местах, и Цзян Тан почти сразу понял, что охотятся за ним. От страха он сжался ещё сильнее, лишь бы его не нашли и не утащили обратно.

И тут из двора выбежала та самая богато одетая женщина, которую он уже видел. На её лице читалась паника. Она настороженно огляделась по сторонам. Ученики, сновавшие мимо, тоже торопились по своим делам и вовсе не замечали её слегка виноватого вида.

Она быстро шла к воротам.

При движении её широкие юбки взлетали одна над другой, словно роскошный пион. Глядя, как она приближается, Цзян Тан внезапно решил на дерзкую затею.

Людей, ведущих поиски, становилось всё больше. Времени на раздумья уже не оставалось. Тело сделало выбор раньше головы. В тот миг, когда женщина, озираясь, проходила мимо, он, воспользовавшись своим маленьким ростом, перекатился прямо ей под юбки, всеми четырьмя лапами вцепился в ткань и спрятался между одним из слоёв.

Сердце у Цзян Тана в этот миг чуть не выскочило из груди. Он был готов к тому, что его сразу же вытащат наружу. Он даже уже успел подумать, что будет лучше: умереть на месте или снова попасть в клетку. Но женщина, к его изумлению, будто ничего не заметила и, не замедляясь, быстро покинула двор.

Стражники у ворот знали, кто она такая, и с большим почтением проводили её наружу.

— Госпожа? Почему вы так быстро вышли? Вы виделись с главой семьи Сун? Что он сказал?

Служанка, ждавшая у ворот, сразу же подбежала к ней. Госпожа Хэ крепко сжала рукав и с её помощью направилась к карете.

Цзян Тан украдкой выглянул из-под юбки одним глазом. Пользуясь тем, что женщина заслонила его от стражников, он снова перекатился в ближайшие кусты и шмыгнул в сторону.

Он бросился бежать без оглядки. Спина ещё не зажила, и от бега болело всё тело, но остановиться он не смел. Пока в Тяньвэньхае царил суматоха, он во весь дух уносил ноги.

Когда ученики Тяньвэньхая получили от Сун Юнчжэна приказ расширить зону поисков, Цзян Тан уже отбежал более чем на десяток ли и теперь прятался под стогом сухой травы, отдыхая.

На поиски отправили более десяти отрядов. Одни искали с воздуха на мечях, другие прочёсывали землю, расходясь веером, словно огромная сеть, заброшенная на местность.

После превращения в зверька чувства у Цзян Тана стали особенно острыми. Людские голоса он слышал издали, даже свист духовных мечей в воздухе улавливал отчётливо, поэтому успевал заранее прятаться. Так, спасаясь бегством и скрываясь, он продержался почти полдня, всё дальше удаляясь от Тяньвэньхая.

Этот побег был долгим и мучительным.

Цзян Тан и сам не знал, как далеко успел убежать. Лишь когда солнце село, а луна взошла, измученный до предела, он уже не мог поддерживать прежнюю скорость. Услышав голоса, он хотел спрятаться, но преследовавшие его ученики всё же заметили след.

— Вон он! — закричал один из них, и вслед за этим к нему стремительно приблизилась цепь шагов.

Лунный свет лился, как вода.

В полутьме Цзян Тану показалось, будто в густой ночи он увидел человеческую фигуру.

Как во сне.

Как внезапно распахнувшийся луч света.

Человек медленно выступил вперёд, оставляя луну за спиной. Лицо его скрывала ночь, и всё же в мягком лунном свете от него веяло ледяной жаждой убийства.

В чёрном, с мечом за спиной, весь пронизанный холодом.

Стоило ему появиться, как преследователи за спиной внезапно застыли. Цзян Тан был слишком измождён, голоден и истощён, чтобы это заметить. Пыхтя, он продолжал бежать вперёд.

У него мутилось в голове. Он мчался прямо вперёд, и только когда налетел будто на стену, его отбросило назад. Белый комочек перекатился пару раз и неловко ткнулся мордочкой прямо в траву.

[1] Тяньвэньхай (□□□) — букв. «Море Небесного Вопросания»

[2] Долина Тяньбэй (□□□) — букв. «Долина Небесной Скорби»

[3] Лин (□) — «дух», «одухотворённость», «тонкая духовная сила», цзюнь (□) — «ровный», «уравновешенный», «гармоничный».

<http://bllate.org/book/17032/1599340>